

Интересы Китая в БРИКС: отражение роли и стратегии КНР в мире

© 2012

С. Уянаев

Неформальное межгосударственное объединение в составе Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР, известное как формат БРИКС, стала в последнее время заметным явлением в мировой политике. Ответ на вопрос о перспективах БРИКС во многом зависит от политики Китая — объективного экономического лидера «пятерки», который наращивает и политическое влияние, причем в глобальном масштабе. В статье представлен анализ целей и интересов КНР в формате БРИКС, которые рассматриваются в контексте главных особенностей внутреннего развития КНР, основных мотивов, направлений и форм ее международной стратегии.

Ключевые слова: Китай, БРИКС, глобальная роль, новый миропорядок, практическое сотрудничество.

Цели и интересы КНР, связанные с развитием и перспективами формата БРИКС, определяются рядом базовых факторов. К числу основных из них относятся роль Китая на нынешней мировой экономической и политической арене, а также системные параметры внешнего курса КНР целом. Кроме того, свое влияние на место БРИКС среди приоритетов китайской политики оказывают внутренние факторы, в частности, реализуемая социально-экономическая модель, известная как «социализм с китайской спецификой».

Место КНР в мире: экономическое измерение

За годы осуществления (с 1978 г.) курса «реформ и открытости», суть которого составили масштабное внедрение в экономику элементов рынка и конкуренции, а также широкое привлечение иностранного капитала, Китай добился ряда во многом уникальных достижений, кардинально усилил свои позиции в мире, прежде всего в экономической сфере. В этом смысле «китайский сюжет» является наиболее показательным с точки зрения того главного критерия (опережающие темпы экономического развития), который

в 2001–2003 гг. был положен в основу выделения «четверки» наиболее динамичных экономик в отдельную категорию и послужил, таким образом, толчком к появлению самого термина **БРИК** (с 2010 г. — **БРИКС**).

Китаю удалось на протяжении небывало длительного срока поддерживать высокие темпы развития: за 1980–2011 гг. среднегодовой прирост ВВП КНР составил порядка 9,7–9,8% — втрое выше среднемирового показателя, результатом стало (согласно данным официальной китайской статистики) увеличение абсолютного объема экономики Китая почти в 22,5 раза. (другие экономки **БРИКС** — Бразилии, Индии и ЮАР, выросли за это время гораздо скромнее)¹.

В 6 раз в эти годы возросла доля ВВП КНР в мировой экономике — с 1,9% до 10,5% (по данным МВФ в долларах США по текущему курсу). С 2010 г. КНР является второй по абсолютным объемам экономикой мира. Планами предусматривается такой уровень темпов развития, который обеспечивал бы рост не только количественных, но и качественных параметров экономики, был бы достаточен для реализации задач так называемого «третьего этапа модернизации» КНР (2000–2050 гг.) с конечной целью — выходом Китая «на уровень наиболее передовых стран».

В период 1980–2011 гг., согласно китайской официальной статистике, в 16 раз вырос и показатель ВВП на душу населения (ныне, по данным МВФ — порядка 5400 долл.). Прогнозируется, что к 2040 г. (на 10 лет ранее намеченных планами сроков) Китаю удастся «обогнать среднемировые показатели», перешагнув планку в 20 тыс. долл. душевого ВВП. Пока даже по абсолютному объему ВВП КНР Китай все еще почти вдвое отстает от США (в расчете на душу населения — в 8 раз). Но по ряду прогнозов объемы двух экономик могут сравняться уже к 2027 г. (в расчете ВВП по ППС — к 2017 г.).

Годовой оборот внешней торговли КНР в 1978–2011 гг. возрос с 20,6 до 3642,1 млрд долл.² Ныне КНР — мировой лидер по объему экспорта (10,34% мирового показателя в 2010 г.), второй в мире импортер (9,03%). Кроме того, страна располагает крупнейшими золотовалютными резервами (ЗВР), объем которых (3 236 млрд долл. на начало 2012 г.) втрое больше чем у Японии, которая следует второй в соответствующем мировом списке³.

Исходя из этих данных, Китай является абсолютным «макроэкономическим лидером» БРИКС. На его долю по итогам 2011 г. приходилось свыше 55% совокупного ВВП «пятерки», более 62% ее суммарного экспорта и около 73% совокупных ЗВР стран **БРИКС**. В целом Китай продолжает сохранять и более высокие темпы экономического развития.

К началу нынешнего столетия КНР обрела статус «мировой фабрики» — комплекса, в котором сырьевые и энергетические отрасли сочетаются с производством средств производства, широкого ассортимента потребительских товаров, оборонной техники, электроники, средств коммуникации. Страна вышла на первое место по выплавке стали, алюминия, меди, добыче угля, сборке автомобилей и телевизоров, по производству судов и еще более 200 видов промышленной и сельскохозяйственной продукции.

Признанным фактором достижений КНР является привлечение инвестиций. В 2000-е гг. на долю Китая ежегодно приходилось в среднем 6–8% мирового притока иностранного капитала, что превышало показатели большинства европейских стран. Подсчитано, что из 500 крупнейших ТНК мира 490 осуществили инвестирование в Китае. Но ныне из «фабрики товаров» Китай сам превратился в заметную «фабрику капиталов». К концу 2011 г. инвесторы из КНР учредили в 178 странах и регионах мира порядка 18 000 предприятий. Суммарный объем китайских капиталовложений в нефинансовый сек-

тор за границей (прямые инвестиции) достиг 322 млрд долл. А совокупные активы китайских компаний за рубежом превысили 1,5 трлн долл.⁴

Китай занимает все более активную позицию на мировой экономической арене в целом: инициативно действует в тех или иных многосторонних форматах, продвигает идею постепенной «интернационализации юаня» — от расчетов в двусторонних операциях до полновесного включения в «обойму» мировых резервных валют.

Неоспоримые успехи в развитии КНР имеют, однако, и оборотную сторону. Своего рода платой за темпы роста, стало, в частности, обострение энергетических (КНР с конца 2000-х гг. вынуждена завозить уже большую часть потребляемой нефти), а также экологических (загрязнение воздуха и водоемов, опустынивание и т.п.) проблем. Внутренние императивы практикуемой модели актуализировали такие вызовы, как риски «перегрева экономики», необходимость (т.ч. под воздействием глобального кризиса) ее переориентации с экспортных операций на расширение внутреннего спроса, потребность в повышении «качества» роста экономики и усилении ее социальной ориентации. Не исчезла задача ликвидации так называемых «пяти разрывов» (между бедными и богатыми слоями населения, передовыми и отсталыми провинциями, городскими и сельскими жителями и т.д.). По-прежнему остра проблема преодоления своего рода «шпагата» между рыночным экономическим базисом и нерыночной политической надстройкой во главе с КПК⁵.

За уже достаточно продолжительные годы реформ руководству КНР удавалось достаточно адекватно отвечать на возникавшие вызовы. Как достойно встретить вызовы сегодняшнего дня, в том числе связанные с задачей сохранения оптимальных темпов экономического роста — ответ на этот вопрос в КНР во многом связывают с решениями состоявшегося в конце 2012 г. очередного съезда КПК.

Важные для будущего БРИКС перспективы развития экономики КНР и китайского общества привлекают внимание и с точки зрения существа практикуемой социально-экономической модели. Модель «социализма с китайской спецификой» (с высокой долей государства в экономике, де-факто существующей однопартийностью и т.п.) контрастирует (по крайней мере, на концептуальном уровне) с «либеральными» принципами организации в других странах БРИКС, прежде всего в Индии и Бразилии. Не вдаваясь в дискуссии относительно политэкономического существа китайской модели — «социализм в начальной стадии» или «конфуцианский капитализм» — нельзя не видеть, что объективно она являет собой попытку *альтернативы традиционному западному либеральному варианту развития*. Причем попытку, которая пока отстаивает свое право на существование. Неслучайно в мире нередко говорят о так называемом «Пекинском консенсусе». Как новая формула развития он стал объективным противовесом «Вашингтонскому консенсусу», который, как известно, был в конце 1980-х гг. объявлен «правильным» рецептом для развивающихся стран и государств Восточной Европы, однако в целом ряде случаев оказался неудачным.

Видимо, пока бессмысленно говорить о правильности одного или другого варианта, ответы даст конкретная практика. Важно другое — обратить внимание на реально существующие и «работающие» элементы китайской модели, учитывать их при налаживании тех или иных направлений многостороннего и двустороннего взаимодействия в БРИКС.

В числе таких элементов — инвестиционные (а не монетаристские) принципы с ориентацией на высокие темпы роста и норму накопления; господдержка малого и среднего бизнеса (МСБ); формирование привлекательного инвестиционного климата; стрем-

ление к инновациям и экспериментам (специальные экономические зоны); освоение высоких технологий, а также такие черты «китайского социализма», как вторичность политического реформирования перед экономическим и отказ от абсолютизации «классовой борьбы и антагонизма между трудом и капиталом».

Роль в мировой политике, цели и формы деятельности

Китай рассматривает экономический рост в тесной увязке с повышением своей комплексной мощи, включая политическое и военно-политическое влияние. Официальной базовой целью внешней политики КНР в Пекине называют *создание благоприятной внешней обстановки для курса «открытости и реформ», для превращения Китая в современное государство с развитой экономикой, высокими стандартами жизни населения*⁶. Стратегия решения этой задачи структурирована поэтапно. Вариантами формулировок данной цели являются также «превращение Китая в современное государство», «всестороннее построение среднезажиточного общества», «великое возрождение нации» (упомянутое, в том числе, в материалах XVIII съезда КПК)⁷. В КНР, как есть основания полагать, в любом случае имеют в виду выход Китая к середине нынешнего столетия на самые передовые мировые рубежи, достижение полновесного «статуса мировой державы»⁸. Пекин неизменно подчеркивает *«мирный характер подъема» КНР и целей ее внешней политики, а также отсутствие претензий на мировое лидерство*⁹. Главной непосредственной задачей в КНР называют «великое дело объединения Родины» — возврат Тайваня под флаг континентального правительства.

Иными словами, являясь постоянным членом Совбеза ООН и членом мирового «ядерного клуба», КНР в последние десятилетия параллельно с экономическим ростом неизменно наращивает и внешнеполитическую активность. Страна играет все более заметную роль практически во всех глобальных (ООН, «G-20», гостевой формат «G-8»), межрегиональных (АСЕМ, БРИКС, диалог Китай—ЕС, Китай—Африка и т.п.) и многих региональных (прежде всего в Азии и АТР) организациях и форматах сотрудничества. Для обоснования растущей активности модернизируются теоретические установки, в том числе уходящие корнями в древнекитайскую дипломатию: традиционную для КНР последних десятилетий «сдержанность» и постулат «не выпячиваться» предлагается сочетать с задачей широко «осваивать внешнее пространство для развития». Укрепляется военно-стратегический потенциал, включая усилия по высокосовременной модернизации армии и обеспечению «океанских возможностей» (иными словами, в глобальном масштабе) для ВМФ КНР¹⁰. Китай с его самой многочисленной армией в мире находится на втором месте по официальным размерам военного бюджета, в 5–6 раз отставая, однако от США¹¹. Однако, с точки зрения перспектив (и, прежде всего, на фоне «догоняющей стратегии» КНР), показателен факт, что, по некоторым источникам, обе страны имеют сопоставимые показатели по доле военных расходов в объеме экономики¹².

В противовес «тенденциям одностороннего диктата» на мировой арене китайские руководители говорят о задаче построения основанного на многополярности (полицентричности) нового справедливого миропорядка, в связи с чем подчеркивают центральную роль универсальных структур, прежде всего ООН, необходимость уважения принципов суверенитета и самостоятельности государств. Пекин декларирует приверженность конструктивному и мирному решению мировых и региональных проблем, включая урегулирование в «горячих точках» и адекватное реагирование на новые угрозы и вызовы, демонстрирует гибкость и осмотрительность, *избегая прямых столкновений и*

конфронтации с теми или иными субъектами международной политики, в частности, с США и другими странами Запада.

В стремлении снизить обеспокоенность в мире по поводу глобальных последствий китайского роста руководство КНР в дополнение к декларациям о сугубо «мирных» целях развития в последние годы продвигает концепцию «гармонизации международных отношений» (китайский вариант идеи справедливого миропорядка) и «совместного развития». Большое внимание уделяется при этом практическому инструментарию, в том числе средствам «мягкой мощи» — экономическим (почти в 190 странах и «районах»), гуманитарным, информационным и другим проектам: от создания зон свободной торговли и до организации многочисленных институтов Конфуция.

По проблематике двусторонних отношений (на официальном уровне КНР поддерживает их более чем со 170 странами) в документах по внешней политике выделяются (порой в меняющейся последовательности) связи с тремя группами стран — соседними, крупными (развитыми), развивающимися. Отношения с первой группой (КНР непосредственно граничит с 14 государствами) в Пекине называют особенно важными для создания «мирного окружения». Среди «крупных стран» выделяются США. Китайско-американские отношения в Пекине часто определяют как одни «из самых важных и динамичных межгосударственных связей в мире», причем де-факто они сочетают растущую экономическую взаимозависимость и сотрудничество с весьма жесткой порой конкуренцией и спорами; в данной группе отдельно, как правило, отмечаются также связи с Россией, ЕС, Японией и, как правило, с Индией. Наконец, неизменным (на протяжении всей истории КНР) приоритетом остаются связи с третьей по счету группой — «развивающимися странами», к которым КНР причисляет и себя, укрепляя с ними «солидарность и сотрудничество». Общей линией для всех стран является продвижение системы партнерских отношений, которые в конкретных случаях могут иметь разные формулы и смысловое наполнение («отношения сотрудничества и партнерства», «конструктивное партнерство», «стратегическое партнерство», «конструктивное партнерство», «всеобъемлющее стратегическое партнерство» и т.д.)¹³.

Добившись, таким образом, немалого усиления своей роли на мировой экономической и политической арене, Китай продолжает курс на дальнейший подъем и развитие. По некоторым позициям, прежде всего в экономике, КНР уже сегодня причисляется международными экспертами к державам глобального порядка. При этом в самом Китае сегодняшний уровень рассматривается как один из этапов в решении задачи выхода на «передовые позиции». Дальнейшее продвижение Пекин видит как путь, связанный с необходимостью ответов на ряд специфических вызовов. Как подчеркивают правительственные эксперты, в экономике это, к примеру, необходимость обеспечения доступа к мировым энергоресурсам и недопущение «нефтяного голода», задача защиты от давления на юань и требований Запада по «либерализации» внутрикитайского финансового рынка; в политике эти вызовы, по мнению тех же экспертов, граничат с «рисками». Причем ряд из них находится, в частности, в сфере отношений с США. Речь идет, в частности, о «возможной ловушке для Китая» в виде тезиса о его «международной ответственности», о дефиците военно-политического доверия и связанном с этим американском «прессинге», о проблеме Тайваня и т.д.¹⁴ Предметом повышенного беспокойства КНР в последнее время стала также обострившаяся проблема территориального размежевания в Южно-Китайском море.

БРИКС: место в системе приоритетов, целей и инструментов политики

В современных условиях место и роль КНР на мировой экономической и политической арене, глобально-региональные цели Китая в среднесрочной и долгосрочной перспективе, в том числе в экономике (продолжение роста, выход на уровень передовых стран) и политике (роль мощного центра в системе нового многополярного миропорядка), принципы (сочетание «сдержанности» и «активности») и конкретные формы (многосторонние и двусторонние форматы, инструменты «мягкой мощи») реализации данных целей — все это позволяет более четко представлять особенности политики Китая по отношению к БРИКС. Выраженные в декларациях китайского руководства и в ряде оценок близких к нему экспертных кругов КНР интересы, цели, формы этой политики структурируются следующим образом.

БРИКС, как считают в Пекине, является *конструктивным фактором формирования «мировой архитектуры»*, которая, напомним, представляется китайскому руководству как архитектура «нового справедливого и рационального миропорядка». Официальную позицию дополняют оценки авторитетных экспертных центров, согласно которым функционирование БРИКС отвечает интересам КНР, поскольку способствует созданию благоприятных глобальных условий для дальнейшего развития страны, расширяет Китаю «пространство для маневра» (дает странам «пятерки» возможность «повысить или восстановить статус в качестве мировой державы») ¹⁵. Очевидно, что «мировую архитектуру» в Пекине видят как комплекс и *экономических, и политических* элементов. В частности, неоднократные призывы Пекина к странам-партнерам уделять внимание вопросам безопасности, укреплять «сотрудничество по важным региональным и международным делам и углублять взаимодействие по всем направлениям» ¹⁶ — свидетельство внимания Китая к политической составляющей в БРИКС. Близкие к правительству эксперты подчеркивают эту мысль еще четче, видя «опору БРИКС» не только в экономической кооперации, но и «в стратегической координации по проблемам политики и безопасности» ¹⁷. Так (с позиций интересов КНР и участия страны в данном формате) в Китае видят *первую* цель, рассматривают ее как своего рода *стратегию БРИКС*.

Сегодняшние *тактические* цели «пятерки» китайские руководители представляют в «содействии более сбалансированному развитию мировой экономики», в повышении эффективности *глобального управления*, в поэтапной «рационализации», таким образом, *международных отношений*. Для реализации этих задач Китай призывает партнеров по БРИКС:

– содействовать реформам *международной финансовой системы*, прежде всего МВФ и ВБ, с тем, чтобы право голоса и соответствующие квоты в них соответствовали нынешнему месту экономических субъектов в изменившейся структуре мировой экономики; предпринимать меры по повышению эффективности международного механизма финансового контроля;

– продвигать «перебалансировку», совершенствование *международной валютной системы*, включая упорядочение эмиссии, постепенное движение к диверсификации корзины резервных валют; налаживать использование национальных валют в экономических операциях между странами БРИКС ¹⁸;

– в целях улучшения глобального управления *использовать возможности Группы двадцати* и других механизмов, для чего усиливать в них взаимодействие и координацию между странами «пятерки» ¹⁹; особое значение Китай придает усилению координации стран БРИКС в G-20 при решении вопросов *глобальной экономики* — как

общего характера (обеспечение устойчивого развития), так и имеющих конкретную направленность (валютные режимы, ограничение резких ценовых колебаний на важные товары и т.д.)²⁰;

– уделять внимание решению таких мировых проблем, как изменение *климата*, безопасность в сфере *продовольствия*, обеспеченность *энергетическими ресурсами* и общественное *здравоохранение*.

В осуществлении обозначенных целей, включая совершенствование глобальной экономики и валютно-финансовой системы, упор делается на *защиту и продвижение интересов (экономических и иных) развивающихся стран*, в т.ч. стран с формирующейся экономикой — путем развития диалога по линиям Юг—Север, Юг—Юг, осуществления Целей развития тысячелетия ООН, выполнения мандата Дохийского раунда переговоров ВТО, недопущения протекционизма и т.п.

В Пекине *поощряют институциональное становление БРИКС* как неформализованной диалоговой структуры, имея в виду *создание многосторонних площадок отраслевого сотрудничества стран-участниц*. В таком подходе отражается *вторая* (помимо «формирования архитектуры мира») из двух главных целей КНР в БРИКС — *сотрудничество участников в «практически значимых сферах»*, которое, по заявлениям официального Пекина, является «опорой» взаимодействия в БРИКС. При этом эксперты КНР указывают на базовую экономическую взаимодополняемость между странами БРИКС и сравнительные преимущества каждой из них. Среди таковых они видят «обрабатывающую промышленность Китая, энергетическую индустрию России, минеральную индустрию Бразилии и информационные технологии Индии»²¹. Правда, как оговариваются эксперты, имеющиеся возможности еще только предстоит реализовать. Более того, между странами БРИКС «существует конкуренция (например, между Китаем, Бразилией и Индией на рынках сбыта товаров, между РФ и Бразилией — на сырьевых рынках)». Но данное обстоятельство, по мнению аналитиков КНР, лишь актуализирует необходимость «углубления сотрудничества»²². Добавим, что официальный Пекин отметил как важный шаг начало работы в формате БРИКС в таких областях, как финансы, торговля, промышленность, здравоохранение, сельское хозяйство, статистика, наука и техника, деятельность академических («мозговых») центров. Подчеркивается значимость продвижения по новым направлениям, в т.ч. намеченным на саммите 2012 г. в Дели.

Придерживаясь тезиса «через многосторонние форматы — к укреплению двусторонних связей», китайские руководители и экспертное сообщество КНР видят в БРИКС катализатор развития *двусторонних отношений КНР* с другими участниками «пятерки». Примерами внимания к данному направлению являются интенсивные двусторонние контакты руководства КНР на полях саммитов БРИКС. В поле повышенного внимания политиков и экспертов Китая находится двусторонняя торговля между странами БРИКС: суммарно она увеличивалась в последние время ежегодно почти на 30%, достигнув к концу 2000-х гг. почти четверти трлн долл.²³ Надо полагать, что дополнительным импульсом для Пекина служит возможность развивать отношения с членами «пятерки» как авторитетными региональными лидерами. Неслучайно, отношения, к примеру, с ЮАР Пекин откровенно характеризует как фактор содействия «развитию отношений Китая со всей Африкой».

Наконец, руководители Китая неизменно подчеркивают, что сотрудничество и «совместное развитие» со странами БРИКС, является *внешнеполитическим приоритетом Китая*. БРИКС, согласно таким оценкам, имеет богатый потенциал и хорошие перспективы, и КНР намерена активно и «неуклонно» продвигать взаимодействие в

данном формате²⁴. Важность взаимодействия в БРИКС подчеркнута и в материалах XVIII съезда КПК.

Так, в основном, выглядят цели и методы политики КНР в формате БРИКС, содержащиеся в официальных документах и материалах правительственных экспертных центров. Отметим, что с данными оценками в своих интерпретациях солидаризируется и абсолютное большинство экспертного сообщества КНР в целом, где лишь изредка наблюдаются элементы «скептицизма» в отношении БРИКС²⁵.

Официальные декларации и базовые интересы

Есть немало оснований полагать, что приведенные общие положения, в частности, тезис о «приоритетности БРИКС», имеют неслучайный характер: и с точки зрения базовых международных интересов КНР, и с позиций поведенческих постулатов политики Китая на внешней арене формат БРИКС весьма органично (если не идеально) вписывается в их дух и даже «букву».

Во-первых, главные цели БРИКС (в том виде, в каком они сформированы и зафиксированы в документах по итогам саммитов («создание более равноправного мира», «развитие в условиях многополярности», продвижение «многосторонней дипломатии» и т.д.)²⁶ полностью созвучны китайским представлениям о новом справедливом, рациональном многополярном миропорядке, который де-факто стал бы альтернативой системе, основанной на руководстве Запада. В глазах ряда видных китайских экспертов БРИКС представляется своего рода «эффективным коллективным проводником», «катализатором» процессов, отвечающих нынешним и перспективным внешнеполитическим и внешнеэкономическим интересам КНР. Кроме того, заметим, что китайские руководители называют БРИКС «новой моделью глобального экономического сотрудничества», отмечают, что каждая из стран-участниц «на практике нашла свой путь развития», причем это «является общим достоянием человечества»; в Пекине выделяют «уважение и обмен опытом избранных путей и моделей развития» как одно из важных направлений деятельности в БРИКС²⁷. Эксперты КНР подчеркивают при этом, что все страны БРИКС «не являются государствами Запада».

Иными словами, на путях сотрудничества в БРИКС Пекин вполне может усматривать для себя дополнительные «козыри»: возможность усилить позиции «китайского пути» в «споре» с либеральной «западной моделью» и подкрепить один из базовых тезисов своей международной политики — принцип «права на выбор» пути развития.

Во-вторых, само становление взаимодействия в БРИКС оказалось для Китая весьма «ко времени», поскольку совпало с периодом внутреннего поиска для непрерывно растущей страны более активного (и оптимального) международного поведенческого алгоритма, а также с попытками формулирования адекватного тому теоретического обоснования. Действительно, ближе к концу 2000-х гг. руководство КНР стало все чаще говорить о задаче более действенного, чем ранее, «участия в международных делах» и «освоения внешнего пространства». Одновременно в экспертном сообществе проявилось желание «несколько по-новому взглянуть» на лежащие в основе китайской политики и восходящие к древним стратегамам постулаты «отца китайских реформ» Дэн Сяопина, которые трактуются как «диалектический» баланс двух принципов — традиционного «самоограничения, сдержанности» (taoguang yanghui) и «некоторых стоящих действий» (yousuo zuowei)²⁸. При этом проводилась мысль, что стратегия 1990-х, когда преваляло «самоограничение» (часто трактуемое как призыв «не высовываться»), а «некоторые действия» носили тактический, подчиненный характер, уже не всегда приносит

должный эффект. Поэтому, по этим воззрениям, приоритет должен быть отдан «действенной» стороне, что не означает, однако, утраты значения «самоограничения»: оно проявляется в том, чтобы определить «важность вопроса, выбрать нужный момент и наиболее эффективный способ действий в соответствии с собственными силами». Итоговый рецепт новаций состоит в продвижении модели «активного участника», который «предпринимает стоящие действия», но которому по-прежнему следует соблюдать «заветы Дэна», не стоит непременно «что-либо возглавлять» и следует, как и раньше, по возможности «не выпячиваться»²⁹. Для реализации такой «модернизированной» прагматичной стратегии — своего рода «активности из тени — весьма «удобным» объективно выглядит возникший формат БРИКС — структура взаимодействия крупных стран с «формирующимися рынками», где продвигаются сходные с Китаем интересы, а роль «знаменосца» не выглядит акцентированной. Как абсолютно откровенно говорят китайские эксперты, с появлением объединения «растущих стран», рост Китая становится «меньшим раздражителем для остального мира»³⁰.

Хорошей иллюстрацией такого похода может служить детализированная позиция по задаче (тактической в своей сути) повышения эффективности глобального управления. Правительственные эксперты КНР подчеркивают, что речь здесь «идет не об исключении участия или замене государств Запада», не о «революционных переменах», а о том, что страны с формирующейся экономикой (и прежде всего их «авангард в лице БРИКС») «постепенно реформируют старую систему», действуя в рамках ее нынешних условий. При этом, однако, вовсе не ставится под сомнение, что в итоге, через определенное, пусть и продолжительное время, эти страны «неизбежно добьются большего голоса и влияния, будут обладать большей решающей силой»³¹. Склонность к осторожным, не конфронтационным шагам в реформировании глобальных институтов видна и на примере позиции по созданию Банка развития БРИКС: в Китае настоятельно подчеркивают, что он не является альтернативой МВФ и Всемирному Банку³².

Похожий характер носит третий тезис. Формат БРИКС с высокой долей проблематики развивающихся стран в его складывающейся повестке (диалоги Север—Юг, Юг—Юг, задача «усилить голос развивающихся стран в мировых делах» т.п.) опять-таки хорошо сочетается с основными направлениями и задачами китайской политики, прежде всего с местом и ролью, которые отводятся в ней этой группе государств. Несмотря на серьезные экономические и другие достижения, Китай упорно причисляет себя именно к развивающимся странам. И сегодня КНР делает это не менее настойчиво, чем раньше, причем фокусирует внимание прежде всего на иностранной аудитории, делает акцент на своем позиционировании в качестве выразителя и активного защитника интересов развивающихся стран, моста «между развивающимися и крупными странами», одновременно применяя в последнее время термин «ответственное государство»³³.

Объяснения такой позиции могут состоять в том, что она, с одной стороны, с учетом растущей роли развивающихся стран объективно способствует усилению международных позиций КНР, а с другой — позволяет добиваться дополнительной политической преференции в виде возможности по-прежнему «не высовываться» и избегать тем самым «излишней международной ответственности»³⁴.

Вряд ли случайно, что с появлением БРИКС Китай стал более акцентировано выделять среди развивающихся государств авторитетную группу стран с «формирующимися экономиками». *В этом контексте можно сказать, что в опоре на формат БРИКС Пекину видятся новые (и более действенные) инструменты для дальнейшего усиления своего влияния в развивающемся мире. Сами же развивающиеся страны издав-*

на рассматривались как важное направление (и некий «трамплин») в реализации системных внешнеполитических целей КНР, в том числе в разного рода спорах (климат, права человека и т.п.) со странами традиционного Запада³⁵.

Таким образом, в Китае, с одной стороны, настойчиво подчеркивают значение БРИКС как «защитника экономических и иных интересов» всех развивающихся стран, как «моста сотрудничества между Севером и Югом», «баланса между США и третьим миром»³⁶, с другой — напоминают, что «самой крупной развивающейся страной и государством с поднимающимся рынком, крупнейшей экономической структурой» БРИКС, а следовательно, надо понимать, и ведущей силой в «пятерке» является именно КНР³⁷.

Понятно, что активность КНР в развивающемся мире, в том числе в странах с формирующимися рынками, часто воспринимается неоднозначно — возникают дискуссии о некоем «новом колониализме» и стремлении «потеснить любых конкурентов в борьбе за ресурсы». В этой связи отдельной строкой может быть прописана еще одна из заинтересованностей КНР в БРИКС — видение взаимодействия в «пятерке» как возможности урегулирования тех или иных разногласий между Китаем с одной стороны, и другими странами БРИКС, развивающимся миром — с другой³⁸.

В комплексе все из обозначенных ресурсных возможностей, связанных с БРИКС («справедливая» мировая архитектура, активная политика «без излишней ответственности», «рост веса» в развивающемся мире, выгоды от сотрудничества с экономиками других стран БРИКС), рассматриваются китайским руководством как шанс усилить позиции в диалоге с другими крупными игроками, прежде всего с США и Западом. При этом речь идет о возможностях повысить глобальную конкурентоспособность, в том числе в поиске оптимальных ответов на системные вызовы для дальнейшего подъема страны, связанные, в частности, с доступом к мировым энергоресурсам и сырью, защитой национальной валюты и т.п.

Двусторонние отношения КНР со странами «пятерки»

Четыре линии отношений Китая с участниками «пятерки» — тема, достойная хотя бы краткого отдельного упоминания. Тем более, что как отмечено выше, двусторонние связи являются одной из самостоятельных целей КНР в формате «пятерки». Повышенное внимание Пекина к данному направлению видится неслучайным: здесь хорошо понимают значение крепких двусторонних отношений в качестве «несущей конструкции» БРИКС в целом, важность учета имеющихся в этой части проблем.

Официальный Пекин достаточно высоко оценивает отношения с каждой из стран БРИКС, отмечая, что во всех четырех случаях речь идет о стратегическом партнерстве, динамичном развитии в последние годы торгово-экономических отношений. В контексте базовых целей БРИКС у Китая имеется заметное сходство с позициями каждого из партнеров.

Так, высокая степень совпадения присутствует во взглядах КНР и РФ. И РФ, и Китай, развивающие отношения «всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия»³⁹, согласованно рассматривают БРИКС (и свое взаимодействие в этом формате) как:

– инструмент для общего усиления своих международных позиций (в том числе в диалоге со странами традиционного Запада), для стимулирования строительства нового полицентричного *миропорядка*, в котором и РФ и КНР рассчитывают занять достойное, с точки зрения каждой из них, место⁴⁰;

– механизм формирования новых, более выгодных для КНР и РФ «правил игры» конкретно на глобальном *экономическом поле*;

– возможность углубления и расширения двусторонних и многосторонних проектов с другими странами пятерки, в том числе путем использования взаимодополняемости в сфере экономического взаимодействия.

Тема БРИКС неизменно присутствует в китайско-индийской повестке. О задаче дальнейшего развития двустороннего взаимодействия в «пятерке» и других важных форматах шла речь между Председателем КНР и Премьер-министром **Индии** на полях саммита БРИКС в Дели (март 21012 г.). Обе страны как два крупных и находящихся на траектории одновременного подъема соседних государства стремятся прагматично расширять сотрудничество во многих сферах. Показателен результат в одной лишь области китайско-индийской торговли — за 2001–2011 гг. она выросла более чем в 20 раз (с 3,6 до 73,9 млрд долл.)⁴¹.

Бразилию китайские руководители выделяют как одну из первых развивающихся стран, установившую стратегическое партнерство с КНР (1993 г.). По обоюдным официальным оценкам, стороны поддерживают активный диалог на высшем и других уровнях, который ныне вошел «в новую фазу всестороннего, ускоренного и глубокого развития». Реализуя два базовых документа — "План совместных действий" и "Программу экономического и гуманитарного сотрудничества на 10 лет" — две страны результативно сотрудничают по двусторонним и глобальным вопросам. Бразилия — крупнейший торговый партнер Китая в Латинской Америке и второй после РФ среди стран БРИКС — около 80 млрд долл.⁴²

Менее чем за полтора десятилетия официальных дипломатических отношений существенно продвинулись связи Китая и ЮАР. В подписанной в августе 2010 г. в ходе визита президента ЮАР в КНР Пекинской декларации стороны объявили о начале этапа всестороннего стратегического партнерства. Важность для КНР отношений с ЮАР отразило и такое сравнительно новое для китайской дипломатической (военно-дипломатической) практики явление, как «демонстрация флага» в ходе визита в Дурбан в апреле 2011 г. кораблей ВМФ КНР. Китай является крупнейшим торговым партнером ЮАР, объем их двусторонней торговли достиг 45,4 млрд долл. США⁴³.

Совпадения и расхождения позиций, возможности их согласования

Как и в случае с Россией, между КНР и остальными участниками БРИКС имеется сходство взглядов по поводу основных целей и направлений сотрудничества в «пятерке». Это такие задачи, как построение «более справедливого» полицентричного мирового порядка, неприятие политики одностороннего диктата, сбалансированное развитие мировой экономики, реформа глобального управления, практическое сотрудничество по широкому спектру направлений и дальнейшая институционализация данного формата.

Однако как в двусторонних отношениях, так и во взглядах на ряд вопросов функционирования БРИКС между КНР и ее партнерами по «пятерке» есть и заметные расхождения, нерешенные вопросы, а порой (по линии КНР — Индия) и достаточно сложные проблемы.

С Россией таких вопросов внешне меньше, но и здесь пока не идеален уровень стратегического доверия (партнеры внимательно наблюдают за диалогом друг друга с Западом, еще живы стереотипы противостояния 1960–1980 гг., в КНР порой занижается значение России, а в РФ говорят о «китайской угрозе»). Не все гладко в торгово-экономических отношениях КНР и РФ (неудовлетворительная для России структура тор-

говли, низкий уровень инвестиций и т.д.). С точки зрения особенностей во взглядах на повестку дня БРИКС, очевидно, что для России, скажем, не столь актуальна проблематика развивающихся стран, в продвижении которой заинтересован Китай.

Одним из спорных моментов китайско-бразильских отношений могут служить разногласия по поводу «заниженной» курсовой стоимости юаня, что, по мнению бразильской стороны, делает ее товары менее конкурентоспособными⁴⁴.

Сложнее китайско-индийские разногласия. Их причины находятся как в плоскости исторически нерешенных вопросов (погранично-территориальный, тибетский), так и в сфере современных проблем, прежде всего в конкуренции геополитического характера, которая стала по-своему неизбежной в ходе одновременного подъема двух крупных азиатских государств-соседей. Придерживаясь в целом совместимых взглядов на необходимость построения глобального полицентричного миропорядка, стороны явно расходятся в оценках роли каждой из них на региональном уровне, прежде всего в Азии и бассейне Индийского океана. Кроме того, в Дели с подозрительностью следят за развитием связей КНР с главным региональным оппонентом Индии — Пакистаном. Пекин, в свою очередь, озабочен усилением американо-индийского сотрудничества, в котором усматривает планы «сдерживания» Китая. В экономической сфере Индия недовольна своим дефицитом в двусторонней торговле, Китай — отказом Дели предоставить КНР статус страны с рыночной экономикой. Отдельный вопрос, имеющий непосредственное влияние на атмосферу в БРИКС — это не удовлетворяющая Дели реакция Пекина на давнее желание Индии (как и Бразилии) стать постоянным членом СБ ООН. Позиция Китая, согласно которой, он «с пониманием относится к намерениям Индии» (эта формула находит отражение и в «консенсусных» формулировках саммитов БРИКС), вызывает особое «разочарование» Дели.

Однако похоже, что в силу обозначенных выше системных целей своей политики и видения той роли, которую в их достижении способен сыграть БРИКС, Китай демонстрирует осязаемый настрой развивать отношения в данном формате, осознавая существующие разногласия и продумывая пути их устранения. О необходимости такого подхода влиятельные китайские эксперты говорят применительно к той же Индии, которая в контексте БРИКС должна, по их мнению, восприниматься прежде всего как «государство с формирующимся рынком, имеющее общие с КНР интересы», и уже лишь потом как страна, избравшая «иную общественно-политическую модель»⁴⁵. Неслучайно, различие в «избранных путях развития» Китай не склонен считать препятствием для сотрудничества.

Поскольку, как указано в Концепции внешней политики РФ, *сотрудничество в БРИКС* отвечает ее базовым национальным интересам, Россия, также как и Китай, заинтересована в «нивелировании расхождений» между странами «пятерки». Причем, по-видимому, речь должна идти не столько о непременном устранении расхождений (зачастую они имеют объективный характер, например, с точки зрения принадлежности стран к разным цивилизациям), сколько о том, чтобы они не служили препятствием к реализации общих согласованных целей. Для России и Китая вкладом в решение этой задачи могли бы быть:

- дальнейшее продвижение российско-китайского взаимодействия по повестке дня, формам и направлениям развития БРИКС; точка зрения двух объективно наиболее авторитетных членов БРИКС весьма значима для перспектив «пятерки»;

- сохранение и дальнейшее продвижение структуры трехстороннего взаимодействия «Россия—Индия—Китай» (РИК), задачей которого, помимо региональной

(центрально-азиатской и пр.) повестки, должно стать укрепление РИК как своего рода «опорного звена» БРИКС. Не секрет, что в сотрудничестве «пятерки», которое во многом пока лишь нащупывает оптимальные формы, порой требуется деликатное «совмещение позиций» Китая, РФ с латиноамериканскими и африканскими партнерами. РИК, имея (с учетом важной роли Индии) согласованную трехстороннюю платформу, мог бы серьезно облегчить эту задачу. Не случайно, в ходе пресс-конференции министров иностранных дел РФ, Индии и КНР по итогам их 11-й трехсторонней встречи была подчеркнута важность взаимодействия стран РИК в других форматах, в том числе в БРИКС⁴⁶. Уместно заметить, что на возможности «тройки» в контексте БРИКС обращают внимание и влиятельные китайские эксперты, которые отмечают, что страны РИК, являясь ядром «пятерки», имеют большое влияние в обсуждении вопросов политики, культуры, безопасности⁴⁷. Еще один реальный и потенциальный вклад РИК — это возможность продолжать способствовать прогрессу и решению непростых проблем в китайско-индийских отношениях;

– шаги по формулированию и реализации практических проектов (в экономике, науке и технике, а также в сферах энергетики и инноваций), которые отражали бы реальную конвергенцию интересов стран-участниц (и снижали бы значение разногласий). Это сложная задача, что не отменяет, однако, ее актуальности, поскольку иначе БРИКС как структура рискует остаться на уровне деклараций;

– планомерное развитие в «пятерке» всех линий двусторонних отношений, в ходе которого на путях конструктивного диалога поэтапно решались бы спорные вопросы, остающиеся между теми или иными странами БРИКС.

1. Чжунго тунци чжайяо [Краткий статистический справочник Китая]. Бэйцзин, 2012. С. 24–25. Заслуживают также внимания и данные МВФ: в 1980–2011 г. ВВП КНР увеличился с 202, 2 до 7239 млрд долл., а соответствующие показатели ВВП других стран БРИКС за эти же годы составили: для Бразилии 148,9 и 2492,9 млрд долл., для Индии — 181,4 и 1826, 8 млрд, для ЮАР — 80,5 и 408,7 млрд. URL: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2012/02/weodata/weorept.aspx?sy=1980&ey=2011&scsm=1&ssd=1&sort=country&ds=.&br=1&c=223%2C199%2C534&s=NGDPD&grp=0&a=&pr.x=39&pr.y=9>.
2. China Statistical Yearbook. Foreign Trade and Economic Cooperation. 6–3 Total Value of Imports and Exports // China Statistical Yearbook 2011. Сербер ИДВ РАН. URL: <http://server/YearBooks/YearBook2011/html/R0603e.htm>; Внешнеторговый оборот Китая в 2011 г. URL: http://www.russchinatrade.ru/ru/about-china_-new/foreign-trade.
3. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2188rank.html>.
4. <http://www.chinapro.ru/rubrics/1/7994/>; <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2199rank.html>.
5. Подробнее см.: например: *Титаренко М.Л.* Геополитическое значение Дальнего Востока. Россия, Китай и другие страны Азии. М., 2008. С. 164–169.
6. Жэньминь жибао. 2010. 20 июля. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7073164.html>.
7. Письменное интервью председателя КНР Ху Цзиньтао казахстанским и российским СМИ. Синьхуа, 13.06.2011; Ху Цзиньтао призвал бороться за полное построение среднезажиточного общества. 08/11/2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/8010234.html>.
8. В статье директора Института Латинской Америки КАСМО У Хуньина «К механизму сотрудничества БРИКС» эта стратегическая цель отражена (по меньшей мере, косвенно) в определении БРИКС как формата, «способного серьезно помочь странам-участницам... восстановить глобальный статус». On the BRICs Cooperation Mechanism // *Contemporary International Relations*. 2011. Vol. 21, № 1 Jan./Feb.— *Scholarly Journals Of China Institutes Of Contemporary International Relations*. URL: <http://www.cicir.ac.cn/english/ArticleView.aspx?nid=1959>.
9. См., например: Министерство иностранных дел КНР: в "китайской мечте" нет никакого заговора. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7073164.html>.

10. См., например: Китай вступает в эпоху авианосцев: Необходимо ускорить процесс принятия соответствующих законов. URL: <http://russian.people.com.cn/95197/7733686.html>; Отряд боевых кораблей ВМС Китая вошел в Черное море. Опубликовано www.itar-tass.com Июль 31, 2012. URL: <http://ntn.manjunet.com/archives/59983>.
11. http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_military_expenditures.
12. <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2034rank.html>.
13. Подробнее см.: *Портяков В.Я.* Внешнеполитический инструментарий Китайской Народной Республики в процессе перемен // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 1. С. 136–140.
14. *Yuan Peng.* A Harmonious World and China's New Diplomacy (P. 4) // Contemporary International Relations. 2007. Vol. 17, № 3. May/June. Scholarly Journals Of China Institutes Of Contemporary International Relations URL: <http://www.cicir.ac.cn/english/ArticleView.aspx?nid=810>.
15. Там же.
16. Председатель КНР Ху Цзиньтао выдвинул предложение из трех пунктов по дальнейшему сотрудничеству между странами БРИКС. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7773765.html>
17. *Гуань Гуйхай.* Цзинь чжуань гоцзя цзичжи юй чжун э ин дэн гоцзи цзичжи дэ бицзяо [Статья заместителя директора Института международных отношений Университета Бэйда «Сравнение БРИКС, РИК и других международных механизмов»] // Даньдай шицзе, Чжунгун чжуньян дуйвай ляньюлу бу. Бэйцзин, 2011. С. 37.
18. Речь Председателя КНР Ху Цзиньтао на встрече руководителей стран БРИК // «Жэньминь жибао» он-лайн. 17.06.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6680077.html>.
19. Страны БРИКС должны эффективно использовать механизм Группы двадцати для укрепления координации политики ведущих экономических субъектов — китайские представители. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7603459.html>.
20. *Чэнь Фэньин.* Цзинь чжуань гоцзя цзиньци цзинци синши цзи чжэнцэ сетяо (Статья директора Института экономики Китайской академии современных международных отношений «Страны БРИКС: экономическая ситуация и политическая координация») // Даньдай шицзе. Чжунгун чжуньян дуйвай ляньюлу бу. Бэйцзин, 2011. С. 39.
21. Предстоящая встреча руководителей БРИК поможет расширить рамки сотрудничества и совместными усилиями выйти из кризиса // «Жэньминь жибао» он-лайн, 15.06.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/6678069.html>.
- 17 Значение встречи руководителей стран БРИКС в городе Санья и перспективы механизма сотрудничества стран БРИКС // «Жэньминь жибао» он-лайн, 15.06.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7351626.html>.
23. Годовой обзор: Рост стран БРИКС постепенно трансформирует глобальный экономический порядок // «Жэньминь жибао» он-лайн, 18.12.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7679964.html>.
24. Председатель Ху Цзиньтао о роли БРИКС. «Жэньминь жибао» он-лайн, 12.03.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/772469.html>.
25. Сомнения в перспективах БРИКС в связи с рядом внутренних противоречий между странами-участницами, в частности, «Китаем и Индией», высказывались, например, экспертами Института АТР КАОН в беседе с автором осенью 2011 г. в Пекине.
26. См., например: Декларация, принятая по итогам Саммита БРИКС (г. Санья, о.Хайнань, Китай, 14 апр. 2011 г.). URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBSamBric/9AF718AA83D590FAC32578720022EB1A>; Делийская декларация (принята по итогам IV саммита БРИКС). 29 марта 2012 г. URL: <http://www.mid.ru/brics.nsf/WEBSamBric/1DB82FF3745BA8FE442579D5004778E6>.
27. Речь Председателя КНР Ху Цзиньтао на встрече руководителей стран БРИК // «Жэньминь жибао» он-лайн, 17.06.2009. URL: <http://russian.people.com.cn/31519/6680077.html>.
28. *Yuan Peng.* A Harmonious World and China's New Diplomacy (P. 2) // Contemporary International Relations. 2007. Vol. 17, № 3 May/June. Scholarly Journals Of China Institutes Of Contemporary International Relations. URL: <http://www.cicir.ac.cn/english/ArticleView.aspx?nid=812>.
29. *Yang Wenchang.* Diplomatic words of wisdom. China Daily, 2011–10–29. URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2011-10/29/content_13999455.htm.
30. Benefits, not values define BRICS unity // Global Times. 27.03.2012. URL: <http://www.globaltimes.cn/NEWS/tabid/99/ID/702407/Benefits-not-values-define-BRICS-unity.aspx>.

31. Хуан Жэньвэй. Цзиньчжуань гоцзя цзюэци юй цюаньцю чжили тиси (Статья вице-президента Шанхайской академии общественных наук «Подъем стран БРИК и система глобального управления») // Даньдай шицзе, Чжунгун чжунъян дуйвай льянлуо бу. Бэйцзин, 2011. С. 27.
32. Данную точку зрения в связи с решениями саммита БРИКС в Дели отстаивал, в частности, такой видный эксперт, как директор Института международных проблем МИД КНР Цюй Син. URL: <http://english.peopledaily.com.cn/90883/7772873.html>.
33. В англоязычном официозе «Чайна дейли» осенью 2011 г. подчеркивалось, что Китай еще долгое время будет являться «развивающимся государством». URL: http://www.chinadaily.com.cn/cndy/2011-10/29/content_13999455.htm. Одновременно в Белой книге "Мирное развитие Китая", опубликованной 6 сентября 2011 г. правительством КНР, говорилось, что «в качестве ответственного члена международного сообщества Китай соблюдает международное право и общественные критерии международных отношений, а также активно исполняет свои международные обязанности». URL: <http://russian.people.com.cn/95181/7692099.html>. При этом, похоже, что в последние год-два упор на тезис «КНР — развивающаяся страна» с точки зрения «внутреннего потребления» стал не столь очевиден. См.: Выступление Ян Цзечи для сотрудников Института международных проблем МИД КНР 22 августа 2011 г. URL: www.ciis.org.cn/english/2011-08/22content_4425488.htm.
34. Эта тема была особенно популярна в официальных СМИ КНР, например, летом-осенью 2010 г., когда за период с июля по сентябрь 2010 г. ей было посвящено не менее 5 специальных редакционных комментариев «Жэньминь жибао», в т.ч. «Не следует требовать от Китая нести еще большую международную ответственность». URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7146897.html>. При этом показательно мнение экспертов австралийского агентства новостей, которые отмечают, что Пекин не стремится к афишированию глобальной роли и ответственности и через БРИКС «попытается укрепить влияние развивающихся стран, предпочитая оставаться в тени». *Mitch Moxley. China Not Too Keen to Assume Global Leadership Role? 27 April 2010.* URL: http://australia.to/index.php?option=com_content&view=article&id=199&Itemid=120.
35. Как подчеркивала накануне саммита в Санья Wall Street Journal, «правительство КНР всегда ставило себя в позицию своего рода защитника развивающегося мира, а взамен рассчитывает, что сравнительно бедные страны встанут рядом с Китаем в противостоянии с развитыми государствами по таким вопросам как права человека, климат». URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703841904576256413453368944.html>. Еще более четко эту мысль выделяют упомянутые выше австралийские наблюдатели: «Китайские руководители традиционно рассматривали развивающиеся страны Азии, Африки и Латинской Америки как важнейшую силу в международных делах, а также как противовес американскому унитаризму (unilateralism)», причем... «считали Китай неотъемлемой составной частью этой группы». ». Что касается БРИКС, то в опоре на этот формат Китай уже, по их мнению, «в полной мере воспользовался предоставленной возможностью для усиления своих позиций и своей значимости в развивающихся странах, а также для сдерживания влияния США и других западных государств», причем при этом в Пекине «предпочитали уклоняться от открытого лидерства, часто полагаясь на соседнюю Россию». Такая политика, считают эксперты продолжится, и Китай «будет в большинстве случаев избегать лидирующей роли в этих группах». URL: http://australia.to/index.php?option=com_content&view=article&id=199&Itemid=120.
36. Цзинь Цаньжун — профессор и заместитель декана китайского Института международных исследований университета Жэньминь — отметил, что правильное место Китая — быть балансом между Соединенными Штатами и развивающимся миром, а не групповым лидером последнего». URL: http://australia.to/index.php?option=com_content&view=article&id=199&Itemid=120.
37. См., например: БРИК: путь к сотрудничеству и общему выигрышу // «Жэньминь жибао» онлайн, 31.03.2011. URL: <http://russian.people.com.cn/31521/7336372.html>; <http://russian.people.com.cn/95181/6953964.html>.
38. Wall Street Journal писала о том, что БРИКС — долговременная цель Китая, поэтому он заинтересован в урегулировании разногласий, остающихся между участниками структуры. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703841904576256413453368944.html>.

39. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о дальнейшем углублении российско-китайских отношений всеобъемлющего равноправного доверительного партнерства и стратегического взаимодействия. 5 июня 2012 года. URL: http://news.kremlin.ru/ref_notes/1230.
40. В Совместном заявлении Второго саммита БРИК (2010 г.) положение с упоминанием «многополярного, справедливого и демократического миропорядка, основанного на международном праве, равенстве, взаимном уважении, сотрудничестве, скоординированных действиях всех государств и коллективном принятии ими решений» сформулировано особенно четко. совпадает или во многом созвучно с пунктами китайско-российских международных деклараций (1997, 2005, 2008. и 2011 гг.) о «рациональном и справедливом международном порядке XXI века» (2005 г.), об императивах мировых перемен «на полицентричной основе» (2011) и принципах «равноправия и взаимной выгоды», уважения международного права», «равенства., взаимодействия..., объединения усилий всех стран» (2008 г.) и т.п, что говорит о влиянии и результативности китайско-российского взаимодействия в БРИКС.
41. <http://profit.ndtv.com/News/Article/india-china-trade-hits-all-time-high-of-73-9-billion-in-2011-296742?pfrom=home-otherstories>.
42. Министр иностранных дел Бразилии подтвердил важность укрепления торгово-экономических отношений с Китаем. URL: <http://russian.people.com.cn/31520/7820797.html>.
43. <http://russian.people.com.cn/31520/7768655.html>.
44. Owen Flether. China Seeks Heft for 'BRICS', April 13, 2011. URL: <http://online.wsj.com/article/SB10001424052748703841904576256413453368944.html>.
45. <http://www.globaltimes.cn/NEWS/tabid/99/ID/702407/Benefits-not-values-define-BRICS-unity.aspx>.
46. <http://www.globaltimes.cn/NEWS/tabid/99/ID/704810/China-Russia-India-look-to-positive-roles-abroad-at-meeting.aspx>; <http://in.news.yahoo.com/india-china-russia-jointly-tackle-global-issues-111848937.html>.
47. *Гуань Гуйхай*. Цзинь чжуань гоцзя цзичжи юй чжун э ин дэн гоцзи цзичжи дэ бицзяо [Сравнение БРИКС, РИК и других международных механизмов] // Даньдай шицзе, Чжунгун чжуньян дуйвай ляньюо бу. Бэйцзин, 2011. С. 36.